

С тех пор как Тан Шоу передал часть дела с пирогами другим, он стал куда менее занят. За ним осталась только торговля печеньем хэ тао су — товар, дорогой, и потому покупатели у него были не так активны, как у семьи Сюн, но всё же немало. Многие зажиточные семьи в городке Юйлинь, распробовав этот десерт, порой сразу скупали по несколько десятков штук — явно не считая сотню медяков чем-то значимым. Увидев это, сельские жители только глаза выпучили. Некоторые сразу поняли, что тут скрыта выгода, и начали регулярно заказывать печенье, чтобы возить его на продажу в посёлок.

Слава о сладостях из семьи Сюн разнеслась уже по окрестным деревням, особенно дошла до богатой деревни Сяонань.

А родом старшая невестка Сюн была как раз из Сяонани — её девичья фамилия Чжао, и семейство Чжао в тех краях считалось одним из богатейших. В этот момент вся семья Чжао сидела за столом, глядя на блюдо с десятком пирогов. Один кусочек — величиной с детскую ладошку, съедаешь за раз, а стоит аж целый вэнь. Да это же грабёж среди бела дня!

— Мама, говорят, это из дома Сюн? — спросил Чжао-далан*.

(ПП: далан - старший сын, эрлан - второй сын и т.д.)

Чжао-эрлан сказал:

— Это дело рук того самого шуаньэра, что теперь супруг Сюн-эрлана. Сейчас полдеревни Синьхуа все скупают у них сладости и везут на продажу в разные места — не только в Юйлинь, но даже и в соседние уезды. Отзывы отличные. В деревне Синьхуа теперь только и твердят, мол, Сюн Чжуаншань женился на настоящем талисмани — такой фулан дома сидит, а деньги сами рекой текут.

Глаза у невестки Чжао загорелись, в голосе зазвучал скрытый умысел:

— Мама, слышала я от торговцев из Синьхуа, что теперь этот шуаньэр уже передал всё ремесло по готовке сладостей старшей сестре. Теперь в доме Сюн полностью ею одной всё и управляется.

Мать Чжао с сомнением произнесла:

— Ну, если старшая дочь уже ушла в семью Сюн, то и правда ничего странного — передали ей, как невестке, это умение. У нас же и с ткацким делом так: передаём только невесткам, а не дочерям. Это всё ради того, чтобы секреты ремесла не ушли из семьи.

Чжао-далан заговорил с нажимом:

— Мама, да разве наша семья может сравниться с семьёй Сюн? Мы ж, по сути, отдали старшую

сестру «вниз», в бедный дом. Все эти годы она у них столько натерпелась... Хотела поесть мяса — бежала к нам. Каждый раз, как она возвращалась домой, мы — и я с братом, и жёны наши — никогда ей в дурном тоне не говорили. Ты сама посмотри, в Сяонане какая ещё невестка из чужого дома может вот так свободно есть за счёт своей семьи? По сути, мы всегда о ней заботились. А теперь, когда пришла пора отплатить, она и сама должна подумать о нас.

Мать Чжао всё ещё колебалась, и тут вступил Чжао-эрлан:

— Мама, подумай: у нас уже есть ткацкое дело в руках. А если к нему ещё добавить искусство делать сладости — мы же просто купаться в деньгах будем. А если наша семья станет ещё богаче, это ведь и для старшей сестры хорошо. Если бы у нас не было денег, если бы мы не были ей опорой, разве смогла бы она так вольно жить в семье Сюн? Пока мы крепко стоим на ногах и остаёмся богаче, чем семья Сюн, они ни за что не посмеют её притеснять.

Эти слова проняли мать Чжао, и она всё яснее чувствовала, что сын говорит дело. Пока их семья не падает и превосходит Сюн по достатку, в той семье будут вынуждены считаться с их старшей дочерью. Разве не так всегда и было? Если бы не их деньги, да если бы она не могла постоянно возвращаться домой, задерживаясь тут на десять дней и больше, помогая в хозяйстве — какую другую невестку в чужом доме терпели бы так долго? Её бы давно вернули назад с разводом.

Мать Чжао окончательно приняла решение, больше не колебалась:

— Ладно, завтра велю человеку передать старшей дочери весточку. Позову её домой — ничего особенного, просто скажем, что я заболела. В семье Сюн даже если сильно заняты, отпустить обязаны.

Когда в доме Сюн услышали, что мать старшей невестки при смерти, Чжан-апо и подумать не могла, чтобы не отпустить невестку. Хотя сердце у неё подспудно тревожилось — в прошлый приезд та ничего не говорила о болезни матери... с чего вдруг теперь такое внезапное ухудшение?

Старшая невестка вытирала слёзы, плача навзрыд:

— Что случилось с моей мамой ... как же так, вдруг заболела...

Человек, что пришёл за ней с повозкой, сказал:

— Говорят, приступ внезапный. Ты ведь знаешь, как она тебя любит — вот и хочет перед смертью хоть раз увидеться.

Сюн Тэ, собрав двух детей, тоже поспешил было сесть в повозку, но кучер встал у него на пути:

— Эй, а ты чего лезешь?

Сюн Тэ ответил:

— У моей жены мать при смерти, как же мне, мужу, не поехать вместе? Надо же тоже повидать.

Кучер замаялся, его лицо стало неестественным:

— Ну, ты ведь сам знаешь, она тебя не жалует. Поедешь — только расстроишь её ещё больше. Да и, честно говоря, мне этой повозкой ещё груз везти, вас всех я точно не потяну.

Сюн Тэ был вынужден спуститься, и, глядя, как его жена уезжает из деревни на повозке, почувствовал сильное беспокойство, словно надвигалась какая-то беда.

Старшая невестка Сюн добралась до дома родителей — и, увидев, что с матерью всё в полном порядке, почувствовала замешательство и странную пустоту.

Мать Чжао, хоть и немного ощущала вину перед дочерью, но стоило ей вспомнить, что в будущем та будет нуждаться в поддержке родни, чтобы жить в доме Сюн без притеснений, как спина выпрямилась, а голос стал твёрже. Она не стала ходить вокруг да около и прямо сказала, что хочет, чтобы дочь передала им технику изготовления сладостей.

Старшая невестка Сюн изумилась:

— Мама! Да ведь это же семейное ремесло семьи Сюн! Как я могу передавать его на сторону?

Такой резкий протест моментально задел мать Чжао. Если прежде в её сердце ещё теплилось некое сожаление, то теперь там осталось лишь раздражение и упрямство.

— Все говорят, что выданная дочь — как вылитая вода. И правда ведь! — мать Чжао повысила голос. — Ты что, сама не знаешь, как твои отец и братья с тобой обращаются? Посмотри сама: какая ещё замужняя девица может вот так — захотела поесть мяса в родительском доме и пришла, захотела пожить — осталась. В другой семье давно бы за такое пинком выставили! А теперь твои братья всего лишь рецепт просят, и ты уже ни в какую! Разве чего-то другого требуют? И потом, ты в Синьхуа деревне продаёшь свои сладости, а мы — в Сяонань. Какое тут соперничество?

— Но... — невестка Сюн не соглашалась. Разве у них дома ткацкое ремесло не передаётся только невесткам? И строго запрещено выносить его в дома родных сестёр и невесток.

Мать Чжао на этом не остановилась:

— Мы, выходит, зря о тебе заботились, зря стали тебе опорой. Да если ты не хочешь для нас, так хотя бы для себя подумай. Кто ещё из замужних девушек живёт у свекрови спокойно, без упрёков? А ты — сколько лет живёшь вольготно. Почему? Да только потому, что у нас деньги есть, твоя свекровь не смеет тебя трогать. А если вдруг настанет день, когда у них денег станет больше, чем у нас? Тогда мы не сможем больше быть твоей защитой. Свекровь захочет притеснять — и никто за тебя не заступится. Подумай, как живут в деревне остальные женщины после свадьбы, и как живёшь ты. Думай сама, я тебя не принуждаю.

Невестка Сюн задумалась. И правда — в деревне ни у кого из выданных девушек не было такой вольной жизни, как у неё. И всё из-за того, что её родня богата. А если вдруг это изменится? Сможет ли она тогда вынести жизнь под гнётом свекрови?

В итоге — она действительно передала семье рецепт изготовления сладостей.

В доме Сюн, после того как невестка Сюн уехала в родительский дом, не осталось никого, кто бы мог управиться с делами. Ничего не оставалось, как попросить Тан Шоу подменить их на несколько дней. Тан Шоу сразу почувствовал, что что-то тут не так, но тогда ещё не придал этому значения.

Невестка Сюн вернулась из родительского дома всего через три дня, но с того момента как-то заметно приуныла, будто сникла, вся словно съёжилась, ходила с видом человека, что натворил что-то постыдное. Когда кто-нибудь спрашивал о здоровье её матери, она, точно пуганая птица, сразу начинала мяться, уходить от ответа, бормоча что-то неясное: мол, ничего серьёзного, старая болячка. В доме Сюн все были заняты делами, да и внимания на это сперва не обратили.

— Сюн-фулан, дай мне сорок штук печенья хэ тао су, — сказал Цай Сюэ, подавая медные монеты. Теперь Тан Шоу больше не принимал оплату ни клейким рисом, ни пшеничной мукой. Грецких орехов и молока у семьи Цай тоже не было, потому они давно перешли на расчёт монетами.

— Хорошо, сорок штук, — кивнул Тан Шоу, аккуратно складывая печенье в коробку. Но вдруг Цай Сюэ замешкался.

— Что такое? — спросил Тан Шоу.

Цай Сюэ бросил взгляд на стоящего рядом Сюн Чжуаншаня и, похоже, не решался заговорить. Тогда Тан Шоу повернулся к мужу:

— Чжуаншань, я забыл накинуть безрукавку, вынеси мне её из комнаты, ладно?

Сюн Чжуаншань тотчас понял, что его хотят убрать, и тут же злобно бросил Цай Сюэ:

— Ты, значит, хочешь избавиться от меня, чтобы остаться с моим фуланом наедине? Одинокий мужчина с одиноким мужчиной, а?

Цай Сюэ от этого побелел и чуть не рухнул на землю от страха. И чтобы доказать свою невиновность и отгородиться от любых подозрений, он сгоряча выпалил всё, что знал, без малейших уловок:

— Я тут недавно продавал сладости в городке и случайно наткнулся на людей из деревни Сяонань, которые тоже продавали пироги. И вот эти сладости... они вылитые, как у нас. Я пригляделся, попробовал — вкус такой же! Потом спросил, откуда товар, сказали: из дома Чжао в Сяонани.

— Из семьи Чжао?

Сюн Чжуаншань медленно скривил губы в холодной усмешке:

— Жена Сюн Тэ как раз и есть старшая дочь семьи Чжао из Сяонани.

Цай Сюэ поспешно сжал коробку с пирожными, прижался к стене и буркнул:

— Ладно, раз ничего не случилось, я пойду.

— Пстой, братец Цай, — остановил его Тан Шоу, добавив в коробку ещё четыре печенья.

— Спасибо тебе за то, что рассказал нам. Немного, но от души.

Цай Сюэ поспешно взглянул на лицо Сюн Чжуаншаня — и, убедившись, что тот не против, радостно унес коробку. Четыре печенья — это ведь целых восемь вэнь, и просто так!

Тан Шоу повернулся, хотел что-то сказать мужу, но Сюн Чжуаншаня рядом уже не было. Вскоре тот вышел из комнаты, неся в руках меховую жилетку.

— Холодно, — коротко бросил он, — надень.

— А ты как думаешь быть с этим делом? — спросил Тан Шоу, надевая жилетку.

Сюн Чжуаншань ответил холодно, почти сквозь зубы:

— А как надо — так и будет. Если кто-то осмелился залезть мне на голову, значит, у него шкура затянута — я ему её как следует распарю.

Раз уж Сюн Чжуаншань уже знал, что случилось, неудивительно, что и до Чжан-апо — его матери — тоже дошли слухи.

Чжан-апо, узнав правду, затряслась от ярости, и с проклятиями обрушилась на жену Сюна Тэ:

— Ты, предательская дрянь! Да ведь это же ремесло семьи Сюн — как ты посмела его выдать? Ты что, правда считаешь, что у тебя нет ни свекрови, ни мужа, ни семьи вообще?! Ты в глаза нам всем плюнула!

Но невестка Сюн, уверенная теперь, что родительский дом — надёжная опора, и сама особо не испугалась. Она не отвечала, только хныкала и плакала, как в детстве. В душе же думала: рецепты я уже отдала, и что теперь они сделают? Поругают — не более.

Но Чжан-апо была вовсе не глупа. Просто она слишком долго жила в рамках старого уклада и не могла так легко из него вырваться. Семья бедная, а значит, женить сыновей — дело трудное. Третий сын, Сюн-санлан, в свои двадцать четыре так и остался один, считался в деревне старым холостяком — о женитьбе уже почти не мечтает. А младшая, пятая дочь — Сюн-унян — тоже не может ни на кого выйти. Все знают, в каком положении находится семья Сюн, и все боятся: вдруг, если взять такую девицу, она потом потянет мужа выжимать всё на свою родню? Хотя четвёртая дочь, Сы-нян, замужем и нисколько не помогает дому Сюн, деревенские всё равно не верят.

Она всегда особенно бережно относилась к возможности женить старшего сына: боялась, что однажды невестка вдруг сбежит, и тогда её сын также останется холостяком — таким же, как и третий. Потому всё, что можно было стерпеть, она старалась стерпеть.

Но то, что произошло сегодня, — совсем другое дело. Тан Шоу передал семье Сюн своё ремесло по изготовлению сладостей, и теперь, в лучшие дни, они могли продавать по пять-шесть десятков цзиней (около 25-30 кг), что приносило более двух сотен вэней чистой прибыли. Такие суммы — даже во сне не снились обычной деревенской семье. А теперь, когда невестка осмелилась передать этот рецепт семье Чжао, она по сути просто перерезала семейству Сюн источник дохода. Это было не что иное, как плевок в лицо всей семье. Невестка Сюн, похоже, и забыла, под чьей фамилией она теперь живёт!

Думая о Тан Шоу и о Сюн Чжуаншане, Чжан-апо вдруг ясно поняла: здесь ей нельзя действовать в полутьме. Раньше она терпела поведение жены старшего сына, потому что боялась — сбежит, и сыночек останется один. Но если они смогут сохранить это дело, за год Сюн-далану найдут невесту хоть из самой благородной семьи!

Она решила воспользоваться этим случаем и как следует «встряхнуть» старшую невестку. Если та одумается, осознает, где её место — хорошо, она не станет разрушать семью сына. Но если будет и дальше вертеться и тянуться к родне — ну что ж, пусть катится туда, к кому тянется.

С этими мыслями Чжан-апо выдохнула и больше не ругалась. Она лишь холодно, с леденящей прямоотой сказала:

— Старшая невестка, ты натворила беду — и должна отвечать за свои поступки. Это ремесло тебе передал фулан второго сына, и ты его предала. Это касается не только нашей семьи, но и его. А теперь — собирайся. Пойдём со мной — будем просить прощения у семьи второго сына!

Лицо старшей невестки Сюн побледнело в одно мгновение — как будто вся кровь разом отхлынула. Она с мольбой посмотрела на Сюн Тэ, надеясь на защиту, как всегда... но в этот раз он не стал на её сторону. Безусловно, безоговорочно.

— Жена, ты в этом неправа, — глухо произнёс он, лицо у него было таким же бледным, голос — натянутым до предела. — Пойдём к дому второго брата, извинимся как следует. А что бы они там ни решили — будь то наказание или упрёки — всё приму на себя. Ты моя жена, и если уж ты оступилась, я отвечу за это вместе с тобой.

Он, как и она, понимал, что сделанное не вернуть, и что за ошибку придётся заплатить. Но он всё ещё держал её за жену — и не собирался бросать. Ошибка есть ошибка. Но и долг — есть долг.

<http://bllate.org/book/13592/1205344>